

К Р О К О Д И Л

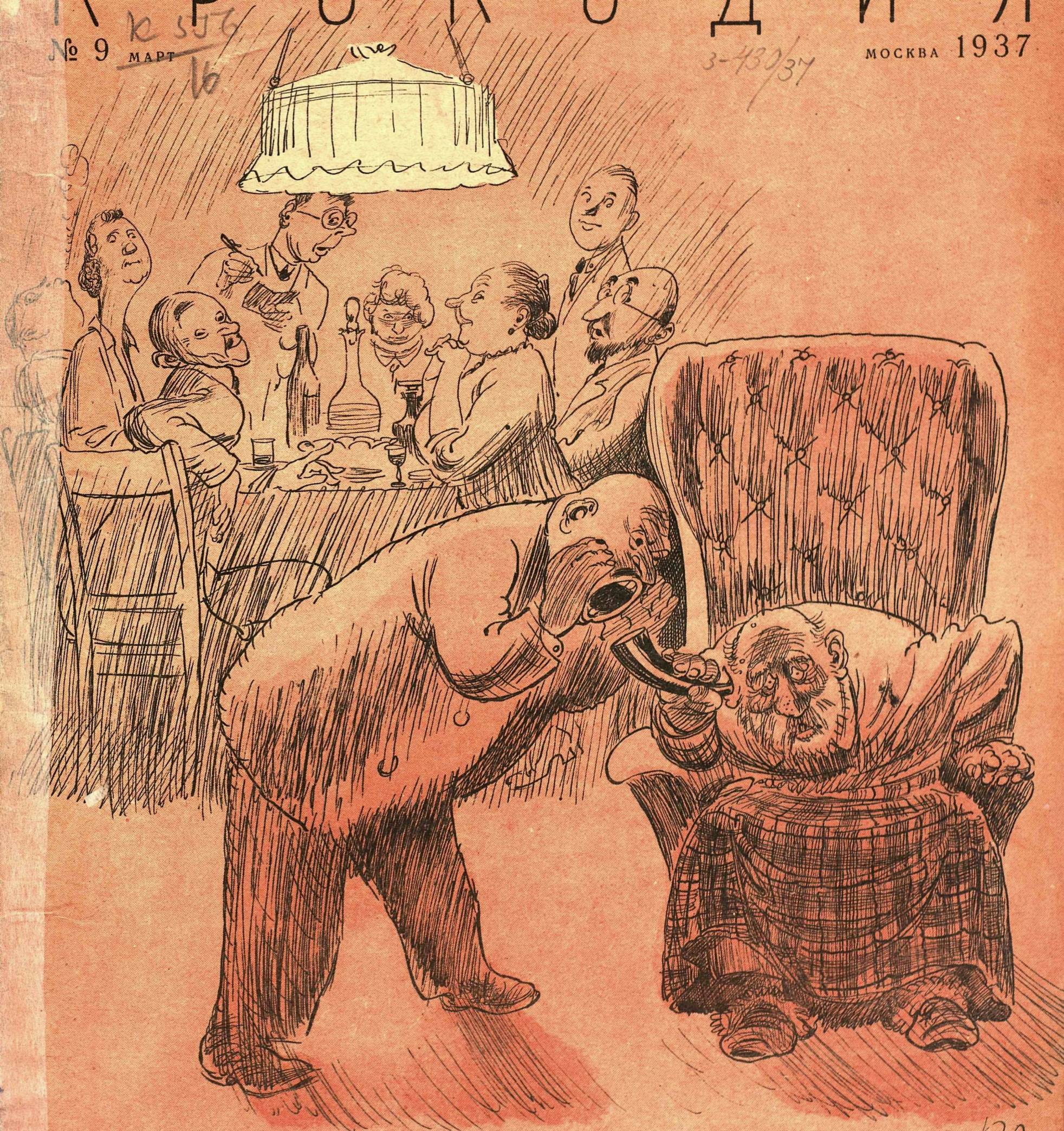
№ 9

МАРТ

К 556
16

3-430/37

МОСКВА 1937

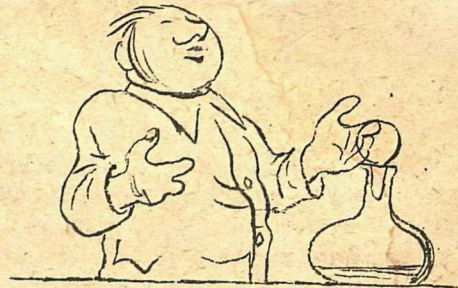

ОБОРОННЫЙ СЕКРЕТ

— Дедушка, я вам сейчас что-то расскажу, но только, умоляю вас, никому не передавайте!

К. Р. 37

Рис. К. Ротова

Неблагодарная аудитория

Зря вы, дорогие товарищи, так энергично наседаете на Лемпика. Понапрасну хорошего человека тревожите.

Лемпик, Иван Федосеевич, одним из первых в нашем городе признал самокритику. И так он ее, самокритику, развернул, что даже страшно становится за человека.

Началось с того, что в стенной газете появилась заметка о том, что аппарат, подведомственный товарищу Лемпику, засорен чуждыми людьми.

Лемпик прочел заметку и... не обиделся. Не возмутился, Он не бюрократ. Он понимает. Он еще вчера окончательно перестроился.

Лемпик взял лист бумаги и составил тезисы для письма в редакцию стенной газеты:

1. Болезнь.
2. Деляч.
3. Близор.
4. Окружили.
5. Я зажимал. Я развивал. Я насаждал.
6. Оторвался.
7. Свежий ветер.
8. Верный путь.

По этим тезисам он написал письмо, полное раскаяния и самобичевания:

Я давно заметил, что страдаю беспечностью. Я погряз в делячестве, и моя политическая близорукость привела к тому, что меня окружили чуждые люди. Я зажимал самокритику, развивал подхалимство, насаждал семейственность, оторвался от масс. Надеюсь, что свежий ветер самокритики направит меня на верный путь.

И. Ф. Лемпик.

Он раза три перечитал свое произведение. Его авторское самолюбие осталось вполне удовлетворенным. Хорошо написано. Не придерешься. Все сказано.

После этого Лемпик вызвал своего секретаря:

— Вот что, Олимпиада Петровна. В ближайшие дни я буду очень занят. Никаких посетителей не принимать. Работать надо, работать!

Засим Лемпик отправился на заседание парткома. Он взволнованно попросил слово для внеочередного заявления.

— Товарищи! — сказал он. — Я взял слово для того, чтоб заявить честно и открыто о следующем: я давно заметил, что страдаю болезнью — беспечностью. Я вынужден сознаться, что погряз в делячестве, и моя проклятая политическая близорукость неизбежно привела к тому, что меня окружили чуждые люди. Все это явилось следствием того, что я зажимал самокритику, развивал подхалимство, насаждал семейственность. А главное — я оторвался от масс. Как я думаю дальше работать? Я так думаю, что свежий ветер самокритики направит меня на верный путь. Я кончил... А теперь разрешите уйти: у меня спешные дела. Работать надо, товарищи, работать!..

Он вернулся к себе в кабинет и сел писать заявление в райком партии, секретарю:

Уважаемый Сергей Егорыч!

Проработав последние решения и директивы, я пришел к твердому убеждению, что под твоим, Егорыч, испытанным руководством свежий ветер самокритики направит меня на верный путь. Я много думал в эти дни и пришел к твердому убеждению, что я зажимал самокритику, развивал подхалимство, насаждал семейственность. И все это, Егорыч, произошло от того, что я оторвался от масс, что неизбежно привело к тому, что я погряз в делячестве, и вследствие моей политической близорукости меня окружили чуждые люди. Надеюсь, в дальнейшем на практической работе изжить свои недостатки.

И. Ф. Лемпик.

Он прочитал вслух новое свое творение и опять остался доволен.

На следующий день на активе Лемпик произнес такую речь:

— Товарищи! Я очень рад, что имею возможность выступить перед таким большим и авторитетным собранием. Я думаю, что актив поймет мое волнение (глоток воды). Да, товарищи, не буду скрывать, я погряз (глоток воды) в делячестве, и моя политическая близорукость привела к тому, что меня окружили...

И так далее, и так далее. Вы, конечно, догадываетесь, что продолжение плавной речи Лемпика базировалось на уже известных нам тезисах:

— Я зажимал. Я развивал. Я насаждал. Я оторвался. Свежий ветер.

Вот уж больше двух недель, как Лемпик на всех заседаниях и собраниях неутомимо повторяет эти слова. Он всячески бичует себя. И проделывает он эту работу так легко и свободно, будто читает «Песнь о вещем Олеге».

Но вот поди-ка, разберись: самокритические выступления Лемпика до сих пор не встречают ни у кого сочувствия. Неблагодарная аудитория все время прерывает его речи вопросами.

Прямо обидно — не дают оратору высказаться. Придираются. Человек так привык к самокритике, а его сбивают разными каверзными вопросиками.

Понимать надо, уважаемые товарищи. Некогда Лемпику заниматься очисткой аппарата. Не до того ему.

Третьего дня позвонила ему по телефону жена и пожурила за опоздание к обеду. Лемпик привычной скороговоркой ответил ей:

— Работать надо, работать. Я погряз в делячестве и вследствие моей политической близорукости меня окружили. Но надеюсь, что свежий ветер самокритики...

И вот сейчас, когда мы дописываем эти строки, будьте уверены, он где-нибудь горячо говорит о свежем ветре самокритики, который... А неблагодарная аудитория прерывает его речь обидными репликами.

Г. РЫКЛИН

ДНЕВНИК КРОКОДИЛА

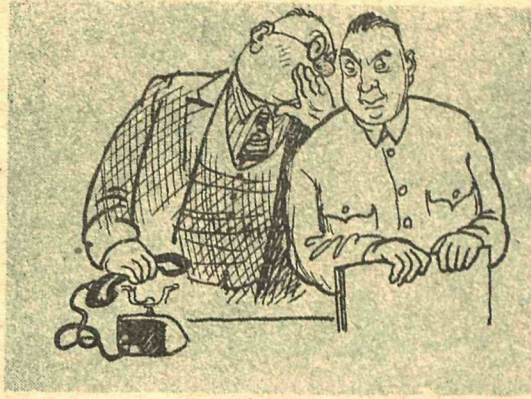
Рис. Н. Ротова

ТЕХНИКА В БЫТУ

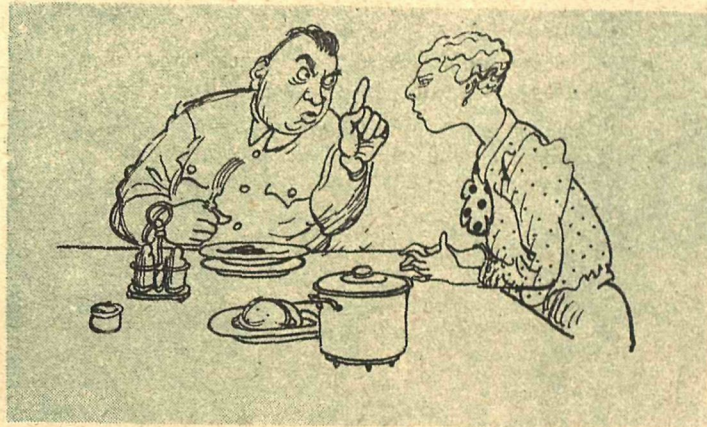
Мои сомнения и мысли на досуге —
Все, что видал, слышал и вычитал
из книг,
Спокойно, просто, без натуги
Я заносить решил в дневник.
Пусть, как сказал великий гений,
Он мне послужит на предмет
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.
КРОКОДИЛ.

1

Один весьма угодливый парторг,
Решенье Пленума прочтя, пришел
в восторг.
«Теперь начну метать я молнии и
громы.
Раскритикну-ка я секретаря рай-
кома!
С гражданским мужеством пойду
ему вразрез».
Так он решил и на трибуну влез.
И вдруг (кто ждал бы случая та-
кого!)
Сошел с нее, не проронив ни слова.
Что ж, заболел он?
Нет.
Сломал себе язык?
Нет.
Что ж с ним случилось?
Так... Отвык.

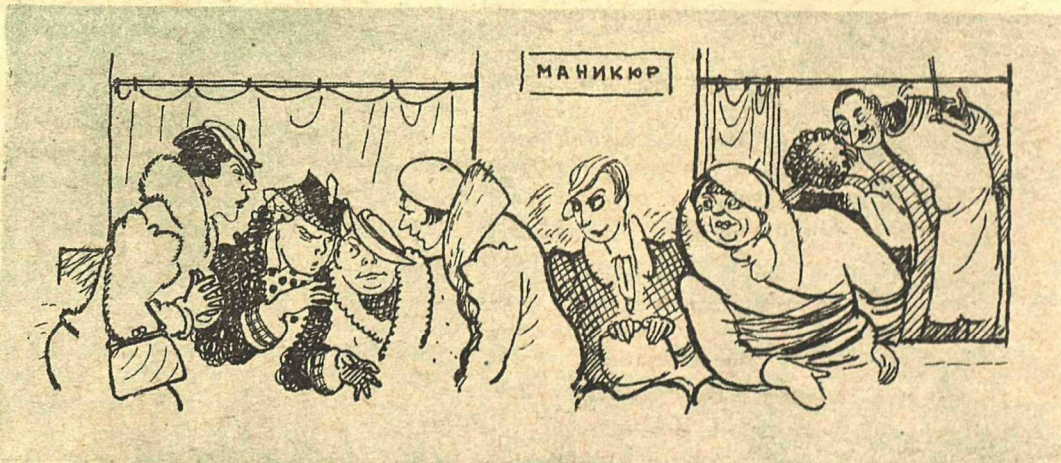
Передатчик.

Усилитель.

2

В ударном темпе дом построен за
полгода.
Но несмотря на это — тьма народа
Ждала постройки около двух лет.
Какая странность!
В чем секрет?
Ни странностей и ни секретов
нету—
Все шло нормальным чередом:
Год с лишним утверждали смету,
В шесть месяцев — построен дом.
И только факт один внушает все ж
печаль нам:
Тот факт, что этот факт считается
нормальным.

Широковещание.

3

Близка весна иль нет? Как нам
узнать об этом?
Где сводки метео?!
Читатель, не ворчи!
Весну без метео узнаешь по при-
метам:
Уже растаял снег, уже летят грачи.
И — признак, наконец, из самых
несомненных —
Физкультуринструкторы из края в
край летят,
Спеша в родной спорткомбинат
Переманить чужих спортсменов.

4

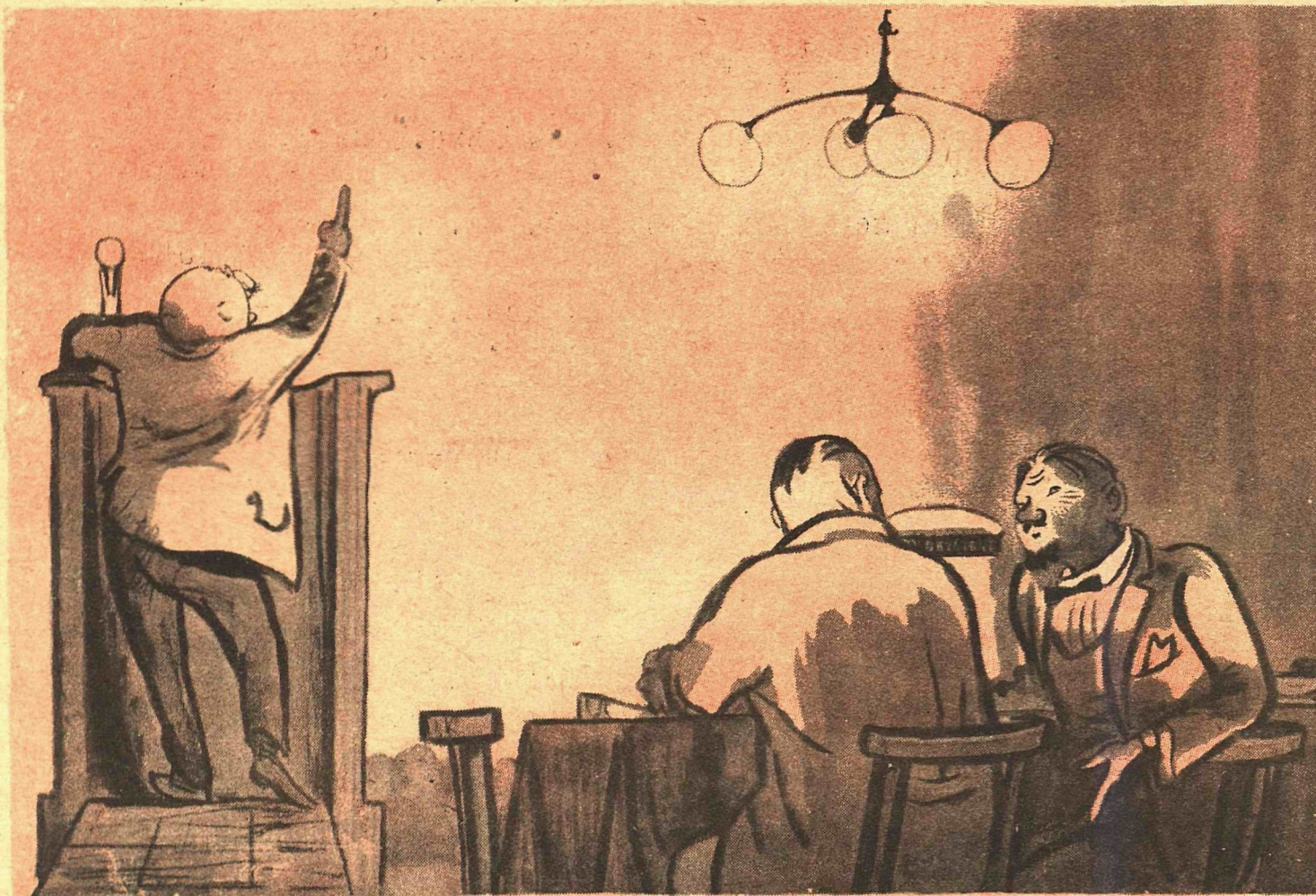
Союз безбожников от битвы из-
немог.
Он счел, как нам известно по на-
слышке,
Что обе стороны — и СВБ и бог —
Нуждаются на время в передышке.
И вот, издавши два протяжных,
томных вздоха,
Союз уже храпит с открытым ртом.
Так в чем его безбожие?
А в том,
Что он работает безбожно плохо!

5

Бывает в школах так: диктант на-
столько скверный,
Что педагог берет тетрадь
И крупно пишет наискось:
«Ниверна!
Не медлино приписать!!!»
В какой бы школе быть диктант
подобный мог?
Да в той же, где подобный педагог.

НИК. АДУЕВ

Рис. Л. Сойфертиса

- Ну как с таким типом работать? У меня у первого руки опускаются!
 — А, небось, когда его выбирали, так ваша рука первая поднялась!

СОШЕЛ СО СЦЕНЫ

Михаил Семенович Каверкот, как всегда, пришел на собрание с большим опозданием и, как всегда, занял место в президиуме, хотя его туда никто не выбирал. Михаил Семенович был убежден (как же иначе!), что он пользуется любовью и авторитетом у своих сотрудников и они будут только рады видеть его солидную, обтекаемую фигуру за столом президиума. А, откровенно говоря, Михаил Семенович серьезно никогда и не задумывался над тем: пользуется ли он авторитетом у своих подчиненных, любят ли они его или не любят? Каверкот презирал сотрудников и считал, что они должны быть счастливы, что такой человек, как он, приходит к ним на собрание и даже с некоторыми здоровается кивком дынеобразной головы с пробором посредине.

Слева на трибуне, слегка покачиваясь, докладчик говорил о самокритике, о предстоящих перевыборах правления, о тайном голосовании. Михаил Семенович с клубной сцены (собрание происходило в клубе) лениво, устало поглядывал на докладчика, на публику и позевывал, при этом тремя пальчиками левой руки нежно похлопывая себя по рту. Будучи уверен, что он все знает заранее, что бы там ни говорил докладчик, товарищ Каверкот достал папиросу и закурил.

Прежде чем затянуться папироской, он как-то особенно игриво чиркнул спичкой и затем, запрокинув голову, с присвистом выпустил синенькую струйку дыма в давно небеленый потолок. Михаилу Семеновичу казалось, что в этот момент взоры присутствующих исключительно направлены на него и что все любуются независимой позой своего начальника. Он даже мысленно сравнивал себя с героем Лермонтова — Печориным, которого он обожал еще с детства.

Между тем сотрудники, действительно, не спускали глаз со своего руководителя и возмущались про себя: «Какой нахал, его никто не выбирал в президиум, а он пришел и сел». Кое-кто из публики немедленно написал записочку и послал ее председателю собрания профуполномоченному товарищу Хрусталеву. Это был еще очень молодой, конфузливый, безусый человек. Он получил записку, развернул ее, прочел и разорвал на мелкие кусочки. Что же там было написано? Вот что: «По какому праву товарищ Каверкот сидит в президиуме. Вы его заочно кооптировали?» — спрашивал кто-то ехидно, но без подписи.

Не прошло и двух минут, как вслед за первой запиской полетела вторая. В ней «группа товарищей» печатными бук-

вами писала: «Мы протестуем. Каверкота никто не выбирал, а он залез в президиум. Где же демократия? Примите меры, товарищ председатель».

Председатель покраснел, но разорвал и эту записку. Положение его было незавидное. С одной стороны — справедливое требование масс, а с другой стороны — Михаил Семенович. Как тут поступить? Раздумывая над этим, молодой, конфузливый профуполномоченный успел уже разорвать не меньше пяти записок с аналогичными запросами. А Михаил Семенович, ничего не подозревая, продолжал кокетничать с публикой. То он вытягивал слишком далеко ноги, показывая вискозный фиолетовый носок, то он кулачками протирал глаза, точно желая этим жестом сказать, что он недосыпает, так много приходится работать, то он вдруг энергично потирал руки, как-то с'еживался и беспокойно трогал лоб, что должно было означать: «что-то мне нездоровится». Но публика укоризненно смотрела на своего начальника и, не добившись толка от председательствующего, послала записку самому Михаилу Семеновичу.

«Почему ты сидишь в президиуме? Тебя ж никто не выбирал. Имей в виду, в прениях задам вопрос», — писал неизвестный.

«Вот сююлочь!» — подумал про него товарищ Каверкот, подобрал ноги и строже стал поглядывать на публику. «Кто это мог написать? Есть еще тут у нас враги», — размышлял Михаил Семенович, из записки свернул трубочку и озабоченно стал ковырять в ухе. В этот момент пришла вторая записка.

«Ай, ай, товарищ Каверкот, как не стыдно сидеть в президиуме! Вас ведь никто не выбирал» — и два восклицательных знака.

Михаил Семенович помрачнел и еще больше убедился в том, что среди его сотрудников имеются враги... «Сойди со сцены», — требовал кто-то в третьей записке.

«Не надо и вида подавать», — сказал самому себе товарищ Каверкот и старался держаться попрежнему — фривольно и независимо. И четвертая, и пятая, и шестая записки не поколебали Михаила Семеновича: он оставался в президиуме... Неожиданно его вызвали к телефону. Когда он собрался уходить, раздались гулкие аплодисменты.

Докладчик аплодисменты принял на свой счет. Он передохнул, выпил воду, облизнулся и продолжал докладывать... Михаил Семенович, поговорив по телефону, не знал, вернуться ли ему обратно в президиум или занять скромное место в публике. Эдаким незаметным, серым героем смешаться с массой...

«Но нет, — решил он твердо, — это будет уступкой нездоровным настроениям, царившим в зале». И, к великому огорчению присутствующих, он вновь, как ни в чем не бывало, появился в президиуме. Но он уж больше не кокетничал, в дынеобразной голове его с пробором копошились разные нехорошие, мрачные мысли.

Б. ЛЕВИН

АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

Убили вас. Столетие прошло,
Переменилось все — и люди и эпоха.
О вас поэты пишут хорошо,
Но пишут — плохо.
Эх, Александр Сергеевич, в живых
Когда б — я думаю — вы находились сами,
Нехорошо б писали вы о них,
Но хорошо бы написали.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Собрание проходило в переполненном зале. Егор Кузьмич сидел в первом ряду и, взглянув на пять человек, сидевших за столом президиума, хмуро сказал своему соседу:

— Как же открывать собрание? Какой же кворум? Пять человек?

— Вы что? А позади-то? Оглянитесь...

— А-а-а, — чуть улыбувшись, сказал Егор Кузьмич, — совсем забыл, что я не за столом президиума. Привык всегда за столом сидеть и прямо в зал глядеть... А сегодня уж в президиум не выбрали...

— Знаю, — без улыбки сказал сосед.

— Сегодня в президиум не выбрали, а завтра и еще, может, куда не выберут...

— Все может быть! — быстро согласился сосед.

БЕЗ ПРИВЫЧКИ

— Вчера нас чорт знает как костили. Я прямо как на иголках сидел, — пожаловался секретарь парткома своему закадычному другу Масленкову.

— С непривычки это, — сказал Масленков. Привыкли больше к аплодисментам, ну и верно, что как на иголках. А вон люди есть не на иголках, а на гвоздях целый день сидят, и то ничего.

— Да что ты? — не поверил секретарь.

— Очень просто. Факиры в Индии... Как с утра сел на трехдюймовые гвозди, так до вечера не сходит. И обеденный перерыв на гвоздях.

— Молодцы! — восхитился секретарь.

— Привычка. И ты бы привык. А то из горячих аплодисментов сразу в холодную воду...

— Ясно бы привык... Еще бы этих факиров догнал и перегнал. Да ведь не дали время приобвыкнуть...

...И, огорченно махнув рукой, секретарь парткома начал срочно набрасывать на бумагу тезисы своего самокритического заключительного слова.

ПОСТРАДАВШИЙ

— И писать теперь стали «Выборы завкома», «Выборы парткома», а не пере выборы...

— Ну и отлично!

— Ничего тут отличного нет. Одна нам только канитель и добавочный расход.

— Да вы кто такой?

— Я? Фотограф я...

Фотограф прижал пальцы к щеке и сказал:

— Ведь какое время чудное было! Скажем, там, очередные перепере выборы... Я беру старый негатив, малость подретуширую — и, пожалуйста, — новый завком. А теперь уж, чую, появятся новые люди и снимать всех заново придется... Никакой экономии у меня не получится...

И фотограф вздохнул еще раз...

ЛИЦА

Один из партерных акробатов, проделывавший на арене чудеса храбрости и ловкости, сидел на общецирковом собрании и думал:

«Надо бы действительно невзирая на лица директора прохватить. Грубый, смотрит всегда зверем... Да, прохватишь, а потом скандалов с ним не оберешься. Нервы только себе испортишь».

Сидел, молчал. Но все-таки его заела совесть. Встал и начал говорить, глядя прямо в глаза директору:

— Товарищи!.. Да, товарищи, мы должны критиковать невзирая на лица... Среди нас имеются еще такие субъекты, которые вечно грубы, всегда смотрят зверем...

Партерный акробат поперхнулся и продолжал:

— Да, да... Я говорю о медведе, который выступает в один вечер с вами на арене... Ведь этот медведь — такой грубиян: вечно смотрит зверем... А вчера мимо клетки проходил, он чуть за ногу меня не ухватил. Куда это годится?.. Мне моя нога нужна для моего любимого искусства... Я предлагаю этому медведю выразить порицание и вообще...

Директор одобительно качал головой.

В. ТОБОЛЯКОВ

Рис. Л. Генча

— Не посылайте, пожалуйста, больше тяжелых орудий: с ними чертовски неудобно отступать.

ПОБЕДИТЕЛЬ

В кафе на площади, в самом центре Неаполя, сидит раненый лейтенант Фабрицио Чичилини. Правая рука на белой перевязи привлекает почтительные взоры прохожих и посетителей кафе. Лейтенант через соломинку тянет какую-то рыжую жидкость из бокала и переглядывается с двумя синьоритами за соседним столиком.

Синьориты делают томные глаза, шепчутся между собой, и, наконец, одна из них обращается к лейтенанту:

— Синьор тененте, вы были в Абиссинии, да?

Фабрицио Чичилини принимает значительное выражение лица и отвечает:

— О нет, дорогая синьорита, я был в Испании...

— О-о! — синьориты, как заведенные, поворачивают друг к другу носы и обмениваются восторженным взглядом. — О-о!.. Ну, как там наши войска, синьор тененте, они побеждают?

— Н-да... в общем побеждают, — слышит Фабрицио свой собственный, крайне неуверенный голос.

— Синьор тененте, расскажите нам, как вы сражались в Испании?!

Лейтенант чешет указательным пальцем шею где-то возле кадыка и неохотно начинает:

— Ну сражались. Как обыкновенно сражаются...

— Вы были на гвадалахарском фронте?

Лейтенант отворачивается и сухо произносит:

— Был.

— Ну расскажите, расскажите, синьор тененте!

Фабрицио смотрит на синьорит и видит, что никакого ехидства в них нет. Просто эти девушки ничего не читали кроме фашистских газет. И тогда, расправив плечи, лейтенант начинает:

— Ну и всыпали же мы этим мужикам-испанцам.

— Всыпали?

— Будьте покойны, синьориты! Долго мы будем помнить деревню Трихуэк!

— Мы или они?

— То есть, конечно, они... Но отчасти и мы... В общем все будут помнить...

— Вы долго наступали, синьор тененте?

— Порядочно. Пока не встретились с республиканцами.

— То есть как?.. А когда встретились, то что?..

— Как «что»... Тоже продолжали наступать, только уже в обратную сторону...

— Что значит «в обратную сторону», синьор тененте? Вы что же, отступали?

— Как можно, синьориты! Солдаты фашистской Италии не отступают! Просто мы переменили направление. Сперва шли вперед, а потом тоже вперед, но вбок...

— Зачем же вбок?!

— Так нужно. Стратегия, милая синьорита, — очень сложная наука.

— Что же вы, преследовали испанцев?

— Ну конечно. Прямо по пятам. Мы в день по горам — 20 километров, и они — 20 километров. Мы — 25, и они — 25...

— Позвольте, да кто же был впереди?

— Конечно, мы. Разве фашисты могут уступить кому-нибудь первое место?

— Что-то мы тут не понимаем... И потом: ведь это очень тяжело — по 30—40 километров в день...

— А мы, знаете, налегке. Орудия побросали, обозы побросали, патроны, — конечно, которые лишние...

— Это, что же, приказ такой был, синьор тененте?

— Да, потом и приказ...

— А пленных вы брали, синьор тененте?

— Пленных? Массу. У нас в роте, например, почти все пленные.

— Ну, а что из себя представляют эти пленные, синьор тененте? Трусы?

— Совершенные трусы и к тому же изменники. Не успеют попасть в плен, как сейчас записываются в батальон Гарибальди и потом по радио кричат нам: «Вас обманули... республиканцы правы...»

— Мы ничего не понимаем, синьор тененте! Какое радио? Кто прав?

— А?.. Нет, ничего... Это я так... от переутомления...

— И намного вы продвинулись к Мадриду в результате наступления? Километров на 30?

— Нет, зачем же... километров на 50—60. То, бывало, слышишь, как немецкие самолеты бомбит Мадрид, а после наступления того... тишина в горах... только что свои пушки стреляют...

— Позвольте! Синьор тененте! Да вы наступали или отступали?

— Я же вам сказал, наступали. Но ведь это война. Трудное дело. В войне наступаешь, наступаешь, а смотришь: во-он куда тебя отбросило... Этого, простите меня, дорогие синьориты, неспециалистам не понять. Так-то.

Лейтенант Чичилини подзывает официанта, расплатившись, берет под козырек обеим синьоритам и величественной походкой покидает кафе.

ИВАН ДИТЯ

ПОПАДИ НА ПРИЕМ

(ИГРА КРОКОДИЛА. См. стр. 8—9)

Давно уже хотелось нам дать читателям Крокодила разумное развлечение. И вот наш художник Ю. А. Ганф изобрел актуальную и занимательную игру под злободневным названием «Попади на прием».

В этой игре имеются в виду председатели горсоветов многих отдельных городов, к которым попасть на прием на сегодняшний день не так-то уж легко. Если читатель знает какого-нибудь другого сановника, пред светлые очи которого предстать так же трудно, — можно всю игру переадресовать и такому сановнику. Вместо того, чтобы зевать, злиться, дремать в неудобных позах, заучивать наизусть окрестные плакаты и объявления на доске месткома, — захватив с собою нашу игру, вы можете весело провести время ожидания. А партнеры вам всегда найдутся среди сожидателей вместе с вами лиц.

Каковы правила данной игры? Они крайне просты. Каждый из играющих по очереди кидает кубик, на каждой из шести граней которого значатся очки — от одного до шести. Количество очков, выпавшее при вашем броске на верхнюю грань, означает, на сколько клеток можете вы продвинуться в этой игре. Все начинают с первой клетки. Выигравшим считается тот, кто первым достигнет клетки № 54, т. е. кабинета председателя горсовета.

С клетки № 1, как сказано, начинают все участники игры. Каждый из них в погожий, солнечный день выходит из дому, надеясь на скорое разрешение своего вопроса. Но если вам выпало 2 очка, вы попадаете на клетку № 3, посреди которой блестит огромная и глубокая лужа. Это показывает, что работа по благоустройству города не на высоте, а для игрока оз-

начает, что ему надо вернуться домой за калошами, т. е. возвратиться в клетку № 1. Если кто попал в клетку № 5, тот услышит от гардеробщиков довольно популярное в среде этих мастеров крюка и номерка заявление:

— Вешалки все позаняты. Обождите, пока кто-нибудь не надумает уходить!

Ожидание это, во время которого крепко обнимают свое пальто и грустно глядят калоши, обязывает игрока, попавшего на клетку № 5, пропустить один раз свою очередь бросать кубик.

Наоборот, попавший на клетку № 6 обнаруживает там начало пожарной лестницы, по которой безотлагательно лезет в окно приемной — клетка № 31.

В клетке № 7 некий добрый изобретатель вручает игроку ролики, и ролики эти помогают развить скорость в бесконечных коридорах учреждения и тем самым приводят в клетку № 9.

Клетка № 11 чревата таким сюрпризом: на вечеринке неожиданно для себя человек знакомится с секретаршей второго зама искомого предгорсовета. Секретарша приглашает нового своего знакомого к себе на работу. А это, сами видите, клетка № 27 — полпути до председателя.

А вот клетка № 13. В ней милиционер вежливо, но настойчиво требует пропуска. А за пропуском-то надо идти обратно — в клетку № 4.

Клетка № 15 еще более огорчительна. Оказывается, без предъявления справки об осповивании с вами и разговаривать не будут. Ну, а справка об осповивании, конечно, осталась дома. Так что пожалуйте в клетку № 11!

Клетка № 17 содержит в себе ласковую записку от влиятельного лица к влиятельному ра-

ботнику данной организации. Записка, уж как водится, передвигает вас на 3 клетки, и вот вы в клетке № 20.

Клетка № 18 есть кабинет некоего зава, которого раскритиковали в сегодняшнем номере газеты. Ввиду этого временно он стал чутким и помогает вам перейти в клетку № 19.

В клетке № 23 посетитель, разочаровавшийся в иных способах, прибегает к гипнозу. Загипнотизировав секретаршу, он проникает в клетку № 33.

Клетка № 25 уводит вниз, так как вниз идет всемогущий консультант при председателе горсовета. Хочется его догнать. Но консультант растаял, как дым, а вы остались далеко внизу — в клетке № 12.

Клетка № 29 почти повторяет предыдущее положение. Кто-то вам сказал, что вон тот товарищ, видный со спины, есть инструктор - инспектор - ревизор - контролер и никто, как он, поможет и т. д. Ну, вы кинулись вслед за ним, но, к счастью, в соседней же клетке обнаружили, что это такой же посетитель, как и вы. Остаются вы все же в клетке № 28.

В клетке № 34 озаряет вас идея: взявши в уголовном розыске собаку-ищейку, вы доверяетесь ее бесподобному нюху. И нюх этот действительно приводит вас в клетку № 41, где среди выброшенных в корзину бумаг валяется нужный вам документ. Чистой пользы — 6 клеток.

Попавший на клетку № 36 извещается о том, что у члена президиума (не пройдя которого, к председателю не попадешь) на приеме некая делегация. Надо обождать. И вы ждете, т. е. теряете один раз свою очередь бросать кость.

В клетке № 39 знакомая нам по клетке № 29 история: кто-то

уходит, говорят, что это юриконсульт, от него зависит... Короче, на одну клетку отступаем и остаемся на клетке № 38.

В клетке № 44 неприятность покрупнее. Вышел из кабинета зампред горсовета, увидел вас в неурочное время в преддверии кабинета, разгневался и так накричал, что вы со страху падаете в клетку № 30.

В клетке № 45 вы узнаете, что крупнейший специалист, без заключения которого о вашем деле вас и слушать не захотят, поехал обедать. Надо ждать. И ждете, т. е. пропускаете одну очередь бросать кость.

В клетке № 47 случайно проходите вы мимо зеркала и убеждаетесь, что за время хлопот в горсовете вы обросли неприличной щетиной. Нужно спуститься в клетку № 26 — в парикмахерскую.

В клетке № 48 — новое огорчение: машинистка сказала, что сам председатель горсовета только-только вышел. Ну побежал догонять. Не догнал. Остался в клетке № 21.

В клетке № 50 встретил знакомого, с которым познакомился на пляже в Сочи. Знакомый — здесь свой человек и проталкивает вас в клетку № 52.

В клетке № 53 секретарша заявила:

— Товарищ, ваше дело давно в архиве!

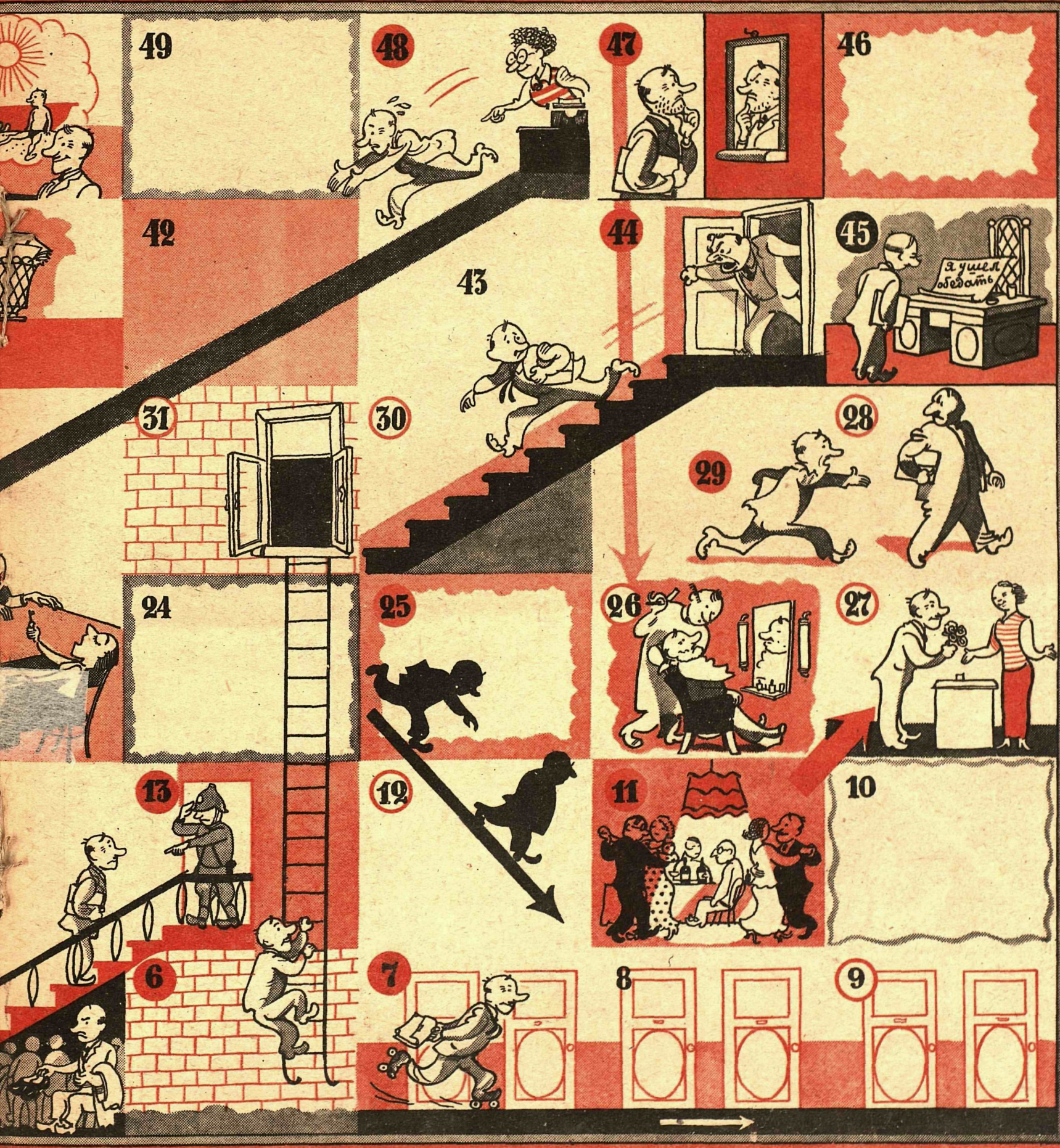
Пожалуйте, значит, в архив — в клетку № 35.

Клетка № 54. Попал к председателю. Ура! Выиграл! Остается сложить игру и, если вы играли в настоящей приемной, — проскушать оставшиеся 2—3 часа до приема у настоящего председателя. Но будем надеяться, что игра наша теперь уже недолго будет актуальной. Перестройка не за горами. А там и выборы... Будем надеяться!

ПОПАДМ НА ПРИЕМ!

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Я школьник, и, как всякому человеку, мне пришло время постричься. Я зашел в парикмахерскую артели Куйбышевского и Железнодорожного районов (Лубянский проезд, № 2) и попросил мастера постричь меня «боксом». Мастер уговорил меня постричься «бобриком», я согласился. Тогда он меня повел в другую парикмахерскую, той же артели, на улице Кирова, 10. Тут мастера встретили меня громкими криками: «Бобрика поймал, бобрика!» Оказалось, что мастер мой должен был сдавать индивидуальный зачет на «бобрика» и сам разыскать добычу.

Затем мастера ушли, а мой мастер привел мою голову в такой вид, что я чуть не расплакался. Почувствовав, что стрижка моей головы доставит ему провал на экзамене, мой мастер стал тайком призывать на помощь своих товарищей. Показав поочередно свое умение опять-таки на моей голове, они удалились. Затем появилась «комиссия». Комиссия долго меня вертела и отказалась принять мой «бобрик».

Тогда меня повели назад, в первую парикмахерскую, где мастера при виде моей головы побросали свою работу и покатались со смеху. Насмеявшись, они сообщая придали моей голове сносный вид. Через 2 часа 40 минут меня отпустили домой. Пошатываясь от усталости и бурных переживаний, я ушел домой.

Фамилия мастера, сдавшего на мне свой зачет,—Пулгар. Позволь и мне, дорогой Крокодил, на нем поучиться сатирически излагать события на твоих страницах.

Школьник **БОРИС ШИК**
Москва

Дорогой Крокодил!

Мы отличники учебы двух разных школ Западной Сибири. Одна школа № 43 в Томске, другая—в Б. Керлегеше, около Прокопьевска. Мы так всем и говорим, что мы отличники, родителям, знакомым, друзьям...

Но вот скоро год, как нам не выдают похвальных грамот, полагающихся отлични-

кам, и мы начинаем чувствовать к себе недоверие. Родители огорчаются, знакомые за глаза называют нас самозванцами. А разве мы виноваты?

ГРУППА ОТЛИЧНИКОВ

Уважаемый товарищ Крокодил!

Наш Трудновский сельсовет—передовой в Козульском районе по выполнению государственных обязательств.

За ударную работу мы имеем красное знамя райисполкома.

Целый год мы работали на совесть и считаем себя вполне достойными видеть у себя секретаря райкома и председателя рика.

Наверное, их пугает отдаленность нашего сельсовета. А жаль! Приехали бы, мы бы с ними поговорили о делах, похлопотали бы насчет кинопередвижки, а то вот уже больше двух лет в нашем селе не видели ни одной кинокартины.

Дорогой товарищ Крокодил, похлопочи за нас перед председателем рика и секретарем райкома. Скажи им, пусть приезжают к нам, а то будут перевыборы советов—и того и другого с треском провалим.

И. КРЮКОВ,
В. ЛУГОВСКОЙ

Козулька,
Красноярского края

Дорогой Крокодил!

У Гоголя в «Пропавшей грамоте» важный документ исчезает вследствие хлопот со стороны нечистой, или так называемой вражьей, силы. А вот у нас в райкоме партии и рике пропало постановление от 29 сентября 1936 года об отсрочках на возврат зерновой ссуды для колхозов.

Не думаешь ли ты, что и в Павлоградском районе, как у Гоголя, действует вражья сила?

А. ШАБАНОВ и **Ф. МОРОЗ**
Павлоград,
Днепропетровской обл.

Дорогой Крокодил!

Наша контора Промбанка получила из Москвы телеграмму о финансировании Востсибдрова 4 раза. Понимаешь? Один и тот же текст

письмоносец приносил 4 раза и с серьезным лицом просил расписаться в получении, Сейчас как будто телеграмма эта перестала к нам приходить. А мы уже привыкли. Нам и рабочий день не в день, если мы не распечатываем знакомый текст насчет Востсибдрова.

Управляющий восточносибирской конторой Промбанка
П. КАТАЕВ
Иркутск.

Крокодил, друг!

Недавно я из Одессы послал свои стихи в Москву, в литконсультацию Гослитиздата. И вот получаю ответ, в котором значится такое: «Если вам трудно переписывать вашу тетрадь (о какой тетради идет речь, известно только консультанту Гослитиздата), то принесите ее на наши вечерние дежурства и из нее почитайте консультанту».

А, может, лучше, чтобы глубокоуважаемый консультант, возвращаясь со своего московского дежурства, завернул ко мне, в Одессу, на стакан чаю. Как говорится: мы к вам,—вы к нам...

Г. КЕММЕЛЬ

Одесса

Дорогой Крокодил!

По Краматорскому горотделу связи издан приказ (№ 64 от 5 февраля 1937 го-

да), предписывающий работникам связи порядок изучения Сталинской Конституции. Конец приказа «...усвоить, что является подлитоической и экономической основой государства, формы собственности в СССР, принципы социализма...» и прочее.

Не следует ли усвоить составителям данного приказа, что этот приказ менее всего отвечает основам Сталинской Конституции.

Н. МИХАЙЛОВ

Краматорск

Товарищ Крокодил!

Сообщаю тебе о новых методах воспитания сотрудников, открытых начальником теплоцентрали Сталиногорского химкомбината тов. Едаковым. 9 марта он подписал приказ следующего, буквально анекдотического содержания: «За нетактичное поведение мастера водоочистки Яковлева 7/III при служебных разговорах с ним объявляю ему выговор и лишаю премии 25 процентов».

Мне кажется, что это первый случай, когда повышенный тон разговора с начальником контролируется рублем, за счет премии, которая, очевидно, определялась производственными показателями. Сей факт с сияющим лицом вношу как ценный вклад в науку.

Т. БРОНШТЕЙН

Сталиногорск.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Станция Шабалино, Северной железной дороги, отделение Заготлен, старшему бухгалтеру.—Ваше письмо о том, что председатель Кировского областного комитета профсоюза рабочих льняной промышленности Курепышев категорически затребовал от Заготльня «немедленно перечислить на счет ЦК союза льнянщиков, не дожидаясь наложения ареста на ваш счет со стороны обкома союза», 03 (три) копейки, мы на страницах нашего журнала не используем.

В самом деле, стоит ли занимать внимание наших читателей персоной Курепышева? Это заурядная канцелярская душа, случайно попавшая на профсоюзную работу.

Вот если его кандидатуру будут выставлять на какую-нибудь выборную должность, срочно пишите нам. Тот материал обязательно используем.

Баку, студенту геологоразведочного отделения Азербайджанского краснознаменного нефтяного института Кринцману.—Нельзя, уважаемый товарищ студент, писать «вывешан» и «участвовать».

Надо писать «вывешен» и «участвовать».

Чего только ваще институтское начальство смотрит?!

Занималось бы оно ликвидацией малограмотности среди студентов, а оно вместо этого регламентирует, кому и в какие часы можно посещать институт и студенческое общежитие.

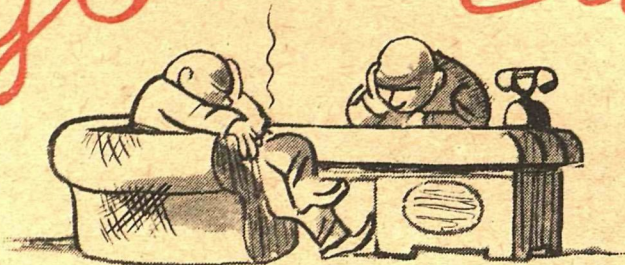
Воронеж, 14, Каменный дом ИТР № 4, комната приезжающих, Еленевичу.—Пом. директора вашего завода Иванов вот уже свыше месяца никак не может вас принять по очень важному вопросу, касающемуся всей вашей семьи. Вы спрашиваете: что это: бюрократизм или издевательство? И то и другое, дорогой товарищ!

Рис. М. Черемных

— Ну, главный объект парка культуры отремонтирован. Остальное доделаем после открытия.

Земляничная Сидорова

Директор Николай Петрович и парт-
орг Семен Семенович сидели в дирек-
торском кабинете и мрачно обсуждали
итоги общего собрания сотрудников их
учреждения.

Собрание можно было бы считать
вполне благополучным, если б не вы-
ступление заведующего сектором Сидо-
рова. Он произнес очень резкую
речь, в которой раскритиковал методы
руководства Николая Петровича и Се-
мена Семеновича.

— Не понимаю, — говорил Николай
Петрович, — просто отказываюсь пони-
мать: почему он на нас кинулся? Ты хо-
рошо читал его стенограмму, Семен?
Нет ли там чего-нибудь такого... этако-
го?

— Нету. Ни такого, ни этакого.

— Может, хоть чуточку есть? Для
защепки!

— Ничего нет. Ноль в целом, ноль в
периоде.

— Н-да-а-а, дела-делишки. А прошлое
его ты знаешь? Может быть, это у него
была отрывка прежних ошибок?

— Нет. Это была не отрывка.

— Ты уверен? Были бы только оши-
бки, — а отрывка всегда появится.

— В том-то и штука, что у него оши-
бок нет, — печально сказал парторг Се-
мен Семенович. — Я, брат, два дня его
биографию изучал, звонил и туда и сю-
да. Чист, собака, как стеклышко. А от-
рывка без базы не бывает!

В директорском кабинете наступило
скучное молчание, лишь равнодушно и
надоедливо тикали круглые стенные ча-
сы над головой Николая Петровича.

— Может быть, ты обидел его чем-
нибудь, Николай Петрович? — вяло
спросил Семен Семенович. — У тебя есть
такая глупая, барская манера — говорить
с людьми свысока.

Директор Николай Петрович обидел-
ся.

— Поздравляю тебя, Семен. Ты слово
в слово повторил сидоровскую клевету.
Ничем я его не обижал. Очень мне нуж-
но всякого... обижать!

— Может путевку ему не дали?

— Стой! Это вполне возможно, — об-
радовался директор. — Тогда все ясно.
Человек затаил обиду — и вот, здрав-
ствуйте-пожалуйста, припомнил... Обожди,
сейчас проверим.

Николай Петрович нажал кнопку на-
стольного звонка. На зов явилась секре-
тарша Зоя Владимировна, полная блон-
динка, лицом похожая на одного из
Людвиков.

— Надо узнать, получал ли летом пу-
тевку товарищ Сидоров, — значительно
нахмурившись, распорядился Николай
Петрович.

— Получал, — сказала секретарша.

— Почему вы так быстро решаете?
Пойдите в кадры и принесите мне офи-
циальную справку.

— Николай Петрович, мы с товари-
щем Сидоровым одновременно отдохали
в нашем санатории. Он прибавил два
кило, а я — четыре.

— Ах, вот как!.. Почему же... это са-
мое... почему он прибавил в два раза
меньше вас? Его что — кормили хуже?

— Там всех одинаково кормят, Нико-
лай Петрович.

— Комната у него хорошая была?

— Ничего. Только без вида на море.

— А у вас, конечно, с видом?

— У меня с видом.

— Ну ступайте, Зоя Владимировна.
Мерси за вид, то есть я хотел сказать за
сведения.

Когда секретарша ушла, Николай
Петрович торжествующе сказал:

— Теперь мне все ясно, Семен. Он
обиделся, что в нашем санатории моей
секретарше дали комнату лучшую чем
ему — и вот, нашел случай расквитаться.
Какой мелкий человечек!.. На какого
чорта ему этот проклятый вид на море
дался! Тоже мне Айвазовский, подума-
ешь! В конце концов мог бы мне из сана-
тория написать, попросить по-человече-
ски, — я бы ему персональную понораму
устроил!

— А мне кажется, что дело не в виде
на море, — задумчиво сказал парторг Се-
мен Семенович.

— А в чем же?

— В чем, — не знаю. Только не в ви-
де.

— Слушай, Семен, — заговорщицки
подмигнул парторгу директор, — не ра-
зозлился ли он на тебя по партийной
линии? Может, ему когда-нибудь захоте-
лось с тобой поговорить по душам, он
пришел, а у тебя на двери, как всегда,
замок, и где ты — аллах ведает! Вот он
и озлился.

— Благодарю вас, Николай Петро-
вич, — сухо поклонился директору парт-
орг Семен Семенович. — То же самое,
тютелька в тютельку, говорил на собра-
нии Сидоров.

— Вот видишь!

— Да ведь это же, так сказать, поклон
на меня, Николай Петрович, голубчик.
Ведь мы с тобой битый час корни его
вскрываем, понимаешь — корни!

— Ах, да, — корни. У меня, Семен,
голова кругом пошла от этого Сидорова.
Извини, пожалуйста.

— Слушай, до реорганизации он ка-
кую должность занимал?

— Секцией заведывал.

— Секцией? Гм... Значит, тут ему
обижаться тоже не след. Сейчас он

сектором заведует... Вот положение!
Прямо хоть Шерлока Холмса нанимай,
чтоб этого Сидорова раскусить...

Опять в директорском кабинете стало
тихо. Нудно и монотонно отщелкивали
часы секунды.

— Давай, позовем сюда самого Сидо-
рова, — вдруг сказал парторг Семен Се-
менович, — позовем и прямо спросим, в
чем дело.

— Не скажет он!

— Смотри как с ним говорить. Ты
только мне не мешай. Он парень про-
стой, хороший — я из него быстро все
выпытаю. Звони!..

Николай Петрович позвонил Зое Вла-
димировне и приказал ей позвать к нему
Сидорова.

— Слушай, товарищ Сидоров, — ла-
сково сказал парторг, когда заведующий
сектором уселся на предложенное ему
кресло. — Вот сидели мы с Николаем
Петровичем и обсуждали твоё выступ-
ление на собрании. По форме оно, ко-
нечно, блестящее, а по содержанию, из-
вини, гнилое. Скажи нам прямо, по со-
вести, как борец бордам, чем оно выз-
вано? Если Николай Петрович тебя
чем-нибудь обидел, — говори, не стес-
няйся. Все можно будет выправить... Не
стесняйся, не стесняйся, товарищ Сидо-
ров, режь правду-матку.

— Я не певица, чтоб стесняться, Се-
мен Семенович, — улыбнулся загадочный
Сидоров. — Николай Петрович ничем
меня не обидел.

— Тогда, выходит, я тебя обидел?

— Нет, не выходит, Семен Семено-
вич.

— Скрытный ты, Сидоров, — вздохнул
парторг, — я тебя спрашиваю, как борец
борда, — а ты отвиливаешь... Мы здесь
люди свои, все останется между нами, —
скажи по-дружески: почему ты так резко
выступил на собрании?

— Странно ты как-то ставишь во-
прос, Семен Семенович. Да просто так
выступил. Потому что так думаю. Ведь
это же все правда, что я говорил.

— Значит, просто так выступил?

— Просто так.

— Ну, иди тогда, Сидоров, — печально
сказал парторг Семен Семенович, — иди.
Просто так иди. Бог тебе судья, — как
в старину говорили.

Когда Сидоров ушел, директор Ни-
колай Петрович нарушил молчание.

— Вот видишь, я говорил, что не ска-
жет, — он и не сказал.

— Чорт возьми, действительно, хоть
Шерлока Холмса приглашай с собакой-
ищейкой, — простонал парторг. — Давай
думать дальше, Николай Петрович.

И они стали «думать дальше».

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. К. Ротова

— Куда?.. Паводок смотреть? Ни за что не пойду... Ну и что ж из того, что лед идет по реке... Терпеть не могу этих паводков. Да если бы с вами было такое, как у меня в 1930... Нет, 1932 году, вы бы тоже не бегали любоваться рекой...

Что произошло? А вот что. Мы с мужем в ту весну жили на набережной. То же вот я все сидела у окна и глядела на льдины. Раз как-то вышла поздно вечером, поахала насчет красоты, потом пришел муж: Василий всегда заявляется с работы не раньше двенадцати часов ночи. Мы поужинали и легли спать.

Потом я помню только свой сон. Будто я плыву в Арктике на этой — ну, как ее? — еще в Венеции извозчики на них плавают? — на гондоле. Очень будто холодно, но очень интересно. Со мной будто плывет сам Шмидт... или нет, Шмидта тогда еще не было, тогда был Хансен. Он мне, значит, и приснился. А мимо нас будто плывет льдина, а на этой льдине — киоск, где продают эскиммо, и продавец будто кричит: вот, мол, кушайте эскимс!.. Или нет, тогда еще эскиммо не было, а просто мороженое. Ну хорошо, а будто на другой льдине едет целый духовой оркестр, и мой Вася — он умеет на тромбоне — поиграет, поиграет и потом в воду стряхивает из тромбона... Хорошо. Только вдруг Василий будто роняет всю эту штуку, которую он вытряхивал, и она будто уплывает... Василий будто кричит мне: Катя, лови, хватай... Я будто опускаю руку в воду и чувствую: вода такая холодная, что я сразу проснулась.

Проснулась и вдруг чувствую, что рука у меня действительно в холодной воде. Я глянула: комната у нас вся затоплена! Вода от полу, знаете, до половины стула. Пола давно не видно, и все, что было на полу, плавает.

Во-первых, окурки плавают. Я всегда запрещаю Василию бросать окурки на пол, он их сует куда-то в угол, а тут все открылось: плывет целая стайка окурков. Потом — бумажки. Потом — веник плавает. Как сейчас, вижу: плавает веник и попал у подоконника близко к струе и вертится так рывками, будто он собака и огрызается на разные стороны.

Потом у нас на подоконнике всегда стояли тарелки, бутылки, пузырьки с одеколоном — и тоже все плавает. Хлеб и ложки с вилками — те сразу пошли ко дну, а тарелки солидно так плывут целым меццо: сперва тарелки с селедкой, потом глубокая тарелка с супом, а потом блюдо с котлетами. А сбоку плывет бутылка из-под пива и два стакана. Я прямо ахнула. Один стакан на моих глазах захлебнулся водой, жалобно так всхлипнул и — на дно... то есть на пол.

Но главная флотилия оказалась — это обувь. Моих туфель две пары, потом домашние тапочки, потом вашины штиблеты...

Я смотрю на все это и думаю: может, все-таки снится? Да нет, наяву! И вдруг

— Кумушка, чего трудишься зря? Лети на склад шапочной артели. Там что ни шляпа, то готовое воронье гнездо.

слышу: кошка мяукает. Поднимаю глаза — кошка сидит на шкафу, смотрит на меня жалобными глазами. ну вот-вот сейчас скажет:

— Я, мол, занималась жить в сухопутной комнате, а если вы любите плавать, вам бы надо не кошку, а выдру, если хотите знать.

И так мне стало жалко и кошку, и себя, и своих новых туфель, которые носятся, разбухшие, по диким волнам коридора... А тут еще слышу голос соседки:

— Катерина Николаевна, к вам не заплывал мой эмалированный тазик и один сапог Петра Семеновича?.. Леша, не смей пускать блюдечки на воду, экий скверный мальчишка!! (Это уже, видать, своему сыну.)

Так мне, я говорю, стало жалко, что сперва я заплакала, а потом стала будить мужа. А Василий спал на диване у другой стены. Его вообще разбудить дико трудно, а тут еще на расстоянии: ни в бок толкнуть нельзя, ни за вихор дернуть... Сперва стала бросать в него подушками. Никаких результатов. Храпит, будто он привык на воде спать. Тогда я взяла кастрюльку, которая проплывала мимо, набрала в нее воды да ка-ак плесну на него... Ну после пятой кастрюльки он проснулся и говорит, еще не очухавшись:

— Кисанька, ты бы меня поливала хоть теплой водой...

Я как закричу:

— Дурак! Где я тебе возьму теплую воду?! Я даже от своего примуса отрезана этим наводнением!..

И так показала пальцем на воду.

Если бы я знала, что из этого выйдет, я бы, конечно, осторожно подготовила его к... ну, к тому, что у нас в комнате — пруд. Василий посмотрел на воду, потом на меня, потом как завоет, спустил ноги с дивана прямо в воду...

Я кричу:

— Что ты делаешь? Ты с ума сошел?

А Василий уже сам вскочил обратно на диван, мокрыми ногами по белью, потом на стол, со стола на комод — к шкафу за пиджаком, потом давай ловить ботинки. А сам чего-то скулит...

Я говорю:

— Вася! Ну что с тобой... Ну вода, ну затопило, но не так уж страшно...

Василий как закричит:

— Дура, что ты понимаешь! Я же у нас на заводе председатель тройки по борьбе с наводнением, а у меня из головы вон... Представляешь себе, что там теперь делается...

Тут он просто стал ногами на дно, то есть на пол, побегал по комнате, как, знаете, люди бегают, когда хотят что-нибудь обдумать, и по воде же — в коридор, к телефону...

Через полчаса у нас об окно что-то стукнулось и закричали нам:

— Лодка подана. Пожалуйста, товарищи...

Так мы все втроем: Василий, я и кошечка — уехали до конца наводнения.

Нет, уж меня любоваться паводком не уговорите... Налюбовалась...

В. АРДОВ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

НЕ ТА БОРЬБА

Редакция газеты «За большевистский транспорт» (орган политотдела 3-го отделения Амурской железной дороги) выдвигает новое средство ликвидации последствий вредительства. Поместив обращение жем Донецкой дороги ко всем женам железнодорожников в СССР, редакция снабдила его шапкой:

«Быстро ликвидируем последствия вредительства. Будем бороться с мужьями».

Оставляя на совести редактора упомянутой газеты тов. Воинова его оригинальный призыв бороться с мужьями, мы призываем его на беспощадную борьбу с собственной безграмотностью.

ОБОРЛАХ

Наверное, начальство Сургутского районного отделения связи (Омской области) высокого мнения о работниках Аганского почтового агентства. Наверное, оно хлопает их по плечу и называет орлами. Между тем в упомянутом агентстве в наличии только один орел, да и тот двуглавый, на сургутской печати, которой в этом агентстве на двадцать первом году после свержения самодержавия продолжают пользоваться при отправке посылок. Что же касается работников агентства и их районного руководства, то они, конечно, никакие не орлы, а в лучшем случае — шляпы.

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ОТКРОВЕННОСТЬ

Мы получили копию письма Центрального комитета профессиональных союзов рабочих шерстяной промышленности, произведшую на нас глубокое впечатление своей непередаваемой искренностью:

«На ваше письмо в редакцию журнала Крокодил о Тамбовской пыжевой фабрике, президиум ЦК союза рабочих шерстяной промышленности сообщает, что о закрытии этой фабрики президиуму ЦК союза не было известно».

Наш представитель с начала 1936 года не был на этом предприятии, поэтому аппарат ЦК союза и направлял соответствующие указания в адрес фабкома ныне не существующей пыжевой фабрики».

Секретарь ЦК союза шерстяников **БЛАГОВ**.

Не знаем, как президиум Тамбовского городского совета профессиональных союзов, но редакцию Крокодила письмо тов. Благова удовлетворило вполне. Больше вопросов о состоянии работы ЦК союза шерстяников у нас не имеется.

ХОЛУЙ

В результате несчастного случая рабочий Хлебозавода № 4, Железнодорожного района (Москва), тов. Андреев потерял ногу. Растроганный директор завода тов. Кондратьев, в порядке внимания к живому человеку, подарил дочке Андреева платице, две рубашки и две пары рейтуз.

От этого подарка еще очень далеко до сказочного счастья и поводов для неумных восторгов. Но председателя завкома Яковлева «великодушие» директора завода переполнило необычайным восторгом. Он вызвал к себе ошарашенную девочку и продиктовал ей письмо, которое потом собственноручно понес в редакцию многотиражки с настоятельным требованием опубликовать его на страницах газеты. Вот плод литературных трудов Яковлева, к чести редактора многотиражки так и не увидевший свет.

«Спасибо директору тов. Кондратьеву».

Мне 11 лет. Я хожу в школу, в 3-й класс. У моего отца отнята нога. Мне дирекция сшила одно платье, две рубашки, двое трусов».

Я очень благодарю Дмитрия Ивановича, директора завода, и прошу поместить в заводской газете «Пекарь-ударник»».

АНДРЕЕВА.

Что касается Крокодила, то он очень благодарен Яковлеву, показавшему высокий образец холуйства и тем обогатившему крокодильскую галерею подхалимов.

ГОЛОВА В ВОЗДУХЕ

В городе Сальяны, Азербайджанской ССР, бешено рекламируется последнее достижение местного отделения Осоавиахима.

«С 2 марта и ежедневно с 9 час. утра до 6 час. вечера в поме-

щении Осоавиахима демонстрируется живая говорящая голова в воздухе. Цена билета 1 рубль».

Одна живая голова, да и та в воздухе — не слишком ли это мало для целого местного отделения Осоавиахима?

НЕ ПЕРЕВОДЯ ДЫХАНИЯ

8 декабря прошлого года Днепропетровское областное управление по делам искусств выдало без всякого согласования с Комитетом по делам физкультуры и спорта командировочное удостоверение являющегося спортивного характера:

«Дано сие Областным управлением по делам искусств при Днепропетровском облисполкоме директору Гастрольбюро тов. Соколову Давиду Исаевичу в том, что он командирован по организации гастролей театров, входящих в систему управления искусств в городах: Киев, Чернигов, Винница, г. Николаев, Тирасполь, Одесса, Ростов, Астрахань, Кисловодск, Сочи, Новороссийск, Тифлис, Баку, Ашхабад, Ташкент, Свердловск, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Казань, г. Горький, Саратов, Архангельск, Ленинград, Москва, Сумы — сроком на 2 месяца».

Нач. Областного управления по делам искусств
КАГАН

Управделами **ТВАРДОВСКАЯ**.

Этот беспримерный в истории командировочный пробог граждан Соколов совершил буквально не перевода дыхания, но перевода бесполезно многие тысячи советских рублей. Он благополучно через 3½ месяца финишировал в Днепропетровске, в Областном управлении по делам искусств. А надо было бы финишировать в Комиссии советского контроля.

КОЛХОЗЫ В БУТЫЛКАХ

Оказывается, «колхозы, представляющие семена на влажность, должны быть обязательно в бутылках с пробками, залитыми сургутом или воском». Так, по крайней мере, считают председатель Даниловского райисполкома, Ярославской области, тов. Горшков и уполномоченный Обллита тов. Абарыков. Первый составил, второй разрешил к печатанию в 300 экземплярах циркулярное письмо председателям колхозов, из которого и взята приведенная нами выше фраза.

Со своей стороны просим упомянутых товарищей не лезть в бутылку по случаю появления их имен в Крокодиле, а тщательней обращаться с письмами, направляемыми во всякие адреса.

ПОЧТА ПОМОГЛА

Обычно мы пишем о почте в тех случаях, когда она ошибается. На этот раз — исключение. Почта не только не ошиблась, но, напротив того, исправила чужую ошибку.

А дело было так. Гражданин Лотц, проживающий в городе Серпухове, Московской области, послал запрос в ленинградский радиозавод имени Казицкого. И в запросе указал, что он, Лотц, является гражданином Чехословацкой республики.

— Ага! — решили на заводе имени Казицкого, — чехословаки где живут? Ясно — в Чехословакии. Значит, так мы и напишем: «Чехословацкая республика, гор. Серпухов, Советская ул., д. № 18, г-ну Лотц К. К.».

Так и написали: «Чехословацкая республика, город Серпухов!» Но почта на этот раз не подкачала: письмо отправили в Московскую область, а не на Саву, Драву и Мораву. Так что почта — на высоте. Одно только неприятно: и в этом случае дело не обошлось без головотяпов.

«2 ИСПОЛНИТЕЛЯ 2»

Вот сообщение, полученное куйбышевской кондитерской фабрикой от судебного исполнителя Иссинского района, Куйбышевской области:

«Сообщаю, что согласно исполнительного листа Нарсуда Иссинского района от 28 июля 36 г. за № 2-218 деньги в сумме 261 р. 67 к. со счета Р. П. С. 23/VIII с. г. списаны бывшим суд. исполнителем Константиновичем, одновременно последним растрачены».

Подпись, к сожалению, неразборчива.

Как говорится: мерси за такое сообщение.

Только зачем этому, безусловно занятому судебному исполнителю писать так подробно? Написал бы: «Сообщаю, что ваши денежки тютю. Суд. исполнитель. Подпись неразборчива». И короче, и так же ясно, и так же недостойно работника советского суда.

Рис. М. Черемных

МАГОМЕТ:— Радуйся, о Аллах! Муссолини — покровитель ислама. Теперь число правоверных в раю быстро увеличится.

ГРАЖДАНЕ, ЗАДАВАЙТЕ ВОПРОСЫ!

(КОНСУЛЬТАЦИЯ КРОКОДИЛА)

ОТВЕТЫ ДАЕТ СТАРШИЙ КОНСУЛЬТАНТ К. А. ФРОЛОВ, БРАТ КОМЕНДАНТА КРОКОДИЛА И. А. ФРОЛОВА

Вопрос. Как прослыть самокритиком и в то же время сохранить расположение начальника?

(Спрашивает член редколлегии стенгазеты «Песня без слов» Капитан Немо.)

Ответ. Очень просто. Выступая на самокритических собраниях, не пользуйтесь конкретными определениями, а чаще употребляйте слово «тенденция». Например: «По-моему, товарищи, в нашем учреждении имеются две опасные тенденции к бюрократизму». За «тенденцию» начальство не обижается, лавры самокритика тоже остаются на месте.

Вопрос. Из-за слабости зрения я последние пять лет не читаю газет и поэтому, только что назначенный заведующим магазином, интересуюсь, разрешен ли сейчас принудительный ассортимент.

(Спрашивает заведующий магазином тов. Муроватых.)

Ответ. По вопросу о допустимости принудительного ассортимента существуют две точки зрения. Одна: правительственная, запрещающая принудительный ассортимент, и другая, которой придерживаются заместитель управляющего Московской областной конторой Главхимпрома Загер и начальник снабжения той же конторы Савелов.

С классической ясностью их точка зрения запечатлена в их отношении № 32213, направленном Институту химических реактивов:

«Для своевременного обеспечения системы канц. принадлежностями, Московская контора Главхимпрома просит выслать квартальную заявку.

Просим учесть, что отпуск особо дефицитных материалов, как то: копировальная бумага, меловая бумага и др., без остальных канц. принадлежностей, как то: карандашей, шивателей и проч., поставщик не производит.

Это обстоятельство просьба учесть при направлении к нам заявки».

Пламенный привет товарищам Загеру и Савелову — идейным борцам за принудительный ассортимент!

Вопрос. Меня давно тянет получить жалование, а работать я не люблю. Долгое время я был освобожденным членом месткома, но нечаянно поссорился с администрацией и вот не знаю, где бы еще можно получить жалование?

(Спрашивает профработник с периферии.)

Ответ. Не задерживаясь, поступайте на работу в общество безбожников. Правда, во многих местах отделения общества ликвидированы, но если где-нибудь они сохранились, то лучшего места для лодыря и не найти.

Редактор—МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Редколлегия: Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журн. 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 361

Сдача текста и рисунков 31/III-37 г.

Подп. к печати 5/IV-37 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б—10741

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 723

Тираж 275 000

- Зачем здесь столько солдат?
- Для охраны пассажиров.
- А почему же пассажиры не садятся?
- А им не осталось места.